

Научная статья

УДК 82–14

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.04

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ОБРАЗА СНЕГУРОЧКИ В СТИХОТВОРЕНИИ
Б. Л. ПАСТЕРНАКА «ОПЯТЬ ВЕСНА»****Казмирчук Ольга Юрьевна**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,kazmirchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1359-5931>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интерпретации образа Снегурки в стихотворении Б. Л. Пастернака «Опять весна» из поэтического цикла «Переделкино». Отправной точкой для наших размышлений становится общеизвестный факт: в современной русской культурной парадигме образ Снегурочки ассоциируется в первую очередь с «весенней сказкой» А. Н. Островского. Все русские литераторы, обращавшиеся к этому образу, в той или иной степени использовали мотивы и темы из пьесы-сказки Островского (оппозиция холода и тепла, зимы и лета, идея природного годичного круговорота, идея запрета и наказания за его нарушение, представление о любви как о желанном, но губительном начале и т. д.), тем интереснее понять, какие семантические коннотации заимствовал Б. Л. Пастернак и что нового привнес в трактовку образа Снегурочки.

В художественном универсуме пастернаковского стихотворения «Опять весна» образ Снегурочки отождествляется не с зимой, а с весной, Снегурочка воплощает в себе стихийное весеннее начало. Поэт отказывается от традиционной оппозиции «зима – весна» или «зима – лето», ему значительно важнее идея предсказуемого, ожидаемого чередования различных времен года, положенная в основу композиции поэтического цикла «Переделкино». В постоянном чередовании времен года лирический герой Пастернака видит залог собственного бессмертия, каждую зиму герой умирает вместе с природой и предсказуемо воскресает весной. В этом контексте гибель Весны-Снегурки (гибель угадывается, но не описывается) лишается традиционной трагической окраски: Снегурка вернется через год.

Б. Л. Пастернак трактует образ Снегурки в качестве одного из архетипических женских образов, воплотивших в себе некое стихийное начало (стихия весны, стихия природы, стихия жизни как таковой). Подобное осмысление женских образов вообще характерно для русской поэзии начала XX века, на опыт которой во многом ориентировался Б. Л. Пастернак.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, «Опять весна», поэтический цикл, А. Н. Островский, Снегурочка, А. А. Блок.

Для цитирования: Казмирчук, О. Ю. (2023). Особенности интерпретации образа Снегурочки в стихотворении Б. Л. Пастернака «Опять весна». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(52), 38–46. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.04>

Original article

UDC 82–14

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.52.4.04

**FEATURES OF THE INTERPRETATION
OF THE IMAGE OF THE SNOW MAIDEN IN THE POEM
BY B. L. PASTERNAK «SPRING AGAIN»****Olga Yu. Kazmirchuk**Moscow City University,
Moscow, Russia,kazmirchuk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1359-5931>

Abstract. The article examines the ways the image of the Snow Maiden is interpreted in the poem «Spring Again» by Boris L. Pasternak included in the «Peredelkino» poetic collection. The starting point for our reflections is a well-known fact: the modern Russian cultural paradigm sees the image of Snow Maiden associated primarily with the «Spring fairy tale» by A. N. Ostrovsky. All Russian writers who turned to this image to one degree or another, employed motifs and themes from Ostrovsky's fairy tale play (the opposition of cold and heat, winter and summer, the idea of a natural annual cycle, the idea of prohibition and punishment for violating this prohibition, the idea of love as a desirable but disastrous beginning, etc.). Thus, it proves even more interesting to trace what semantic connotations Pasternak borrowed and what new things he brought to interpret the image of Snow Maiden.

The artistic universe of Pasternak's poem «Spring Again» features the image of Snow Maiden as the one identified not with winter, but with spring; Snow Maiden embodies a spontaneous spring beginning. The poet abandons the traditional opposition of *winter – spring* or *winter – summer*, the idea of predictable, expected alternation of different seasons, which forms the basis for the composition of the poetic cycle «Peredelkino». Such a constant alternation of seasons reveals the pledge of Pasternak's lyrical hero's own immortality, every winter the hero dies together with nature and predictably resurrects in the spring. In this context, the death of Snow Maiden Spring (which is implied, though not described) loses its traditional tragic coloring: Snow Maiden will definitely return in a year.

Pasternak interprets the image of Snow Maiden as the one of the archetypal female images that embodies a certain elemental principle (the element of spring, the element of nature, the element of life as such). Such an understanding of female images is generally typical of the Russian poetry of the early twentieth century, which was interpreted by Pasternak.

Keywords: B. L. Pasternak, «Spring Again», poetry cycle, A. N. Ostrovsky, Snow Maiden, A. A. Block.

For citation: Kazmirchuk, O. Yu. (2023). Features of the interpretation of the image of the Snow Maiden in the poem by B. L. Pasternak «Spring Again». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(52), 38–46. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.04>

Введение

О образ Снегурочки (ледяной или снежной девочки) неоднократно появлялся в сказках (особенно в сказках народов Севера), но в русской культурной парадигме этот образ ассоциируется прежде всего с пьесой А. Н. Островского, и это неслучайно. Именно Островский сумел художественно представить ряд тем и мотивов, связанных с образом Снегурочки в фольклорных текстах: оппозицию мороза и солнца, годичный круговорот, зависимость человеческой жизни от природных сил, мотив запрета и расплаты за его нарушение и т. д. (Кулиш, 1963, с. 12),

а также дополнил традиционный набор новыми семантическими компонентами, которые впоследствии активно обыгрывались русскими литераторами. Снегурочка, созданная Островским, вытеснила своих фольклорных предшественниц; именно благодаря А. Н. Островскому образ Снегурочки был замечен, оценен, переосмыслен композиторами и художниками: Н. А. Римским-Корсаковым, П. И. Чайковским, М. А. Врубелем, В. М. Васнецовым (Тихомиров, 2016, с. 74–76). Цель статьи — анализ интерпретаций образа русской поэзией начала и середины XX века.

В начале XX века поэты использовали образы из пьесы-сказки Островского преимущественно при разработке темы любви. Так, А. Блок взял слова Купавы о погасшем солнце в качестве эпиграфа к стихотворению «Сны безотчетны, ярки краски...» (1902). Те же строки (Купава, покинутая Мизгирем, сравнивала с погасшим солнцем исчезнувшую любовь) перефразируются в самом стихотворении. По свидетельству биографов Блока, стихотворение писалось после бала-маскарада, на котором присутствовала Л. Д. Менделеева и не было самого Блока, который, не получив приглашения, весь вечер бродил под окнами дома, наблюдая за теньями танцующих. Известен еще один факт: в любительской театральной постановке Блок репетировал роль Мизгирия, а Любовь Дмитриевна играла Призрак Снегурочки (Блок, 1960, с. 569). Поэт мог соотносить любовную историю Мизгирия и Снегурочки со своей личной историей, что было свойственно Блоку (об этом феномене см.: Магомедова, 1997, с. 174–175). Возможно, что поэты-символисты воспринимали сюжет Островского шире, как инвариант истории о потерянной гармонии, о Душе Мира, попавшей в плен к земному началу, поэтому космогоническая проблематика также присутствует в блоковском стихотворении 1902 года. В сходной с символистами манере интерпретировался, например, сюжет о мертвой царевне (о мифопоэтике символистов, о трансформации архетипических сюжетов в их творчестве см., например: Ропен, 1985, р. 116–117; Магомедова, 2004, с. 143–144; Шульц, 2022, с. 134–135).

Не менее интересен художественный опыт А. А. Ахматовой. Ее лирическая героиня отождествляется с тающей Снегуркой: «Высоко в небе облачко серело, / Как беличья расстеленная шкурка. / Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело / Растает в марте, хрупкая Снегурка!» (1911) (Ахматова, 2000, с. 11). Ахматова сохраняет «календарно-природный» компонент, характерный для историй о Снегурочке, но очевидно и принципиальное отличие от сюжета, заданного Островским. Снегурочка Островского хочет испытать чувство любви; ахматовская героиня любит, но нелюбима: именно холодность героя превращает ее в Снегурочку, обрекает на гибель, ведь героиня вряд ли сможет примириться с неизбежным расставанием. В ахматовском тексте посредством образа Снегурочки осмысляется идея противопоставления мужского и женского начала (о способах реализации в русской поэзии оппозиции «мужское» – «женское» см. подробнее в статье Н. М. Девятовой (Девятова, 2022, с. 9, 11)). Так А. Блок и А. Ахматова (Ахматова в большей степени) обыгрывают столь важную для пьесы-сказки Островского тему любви желанной, но губительной. Позднее, в 1941 году, к образу Снегурочки обращается Б. Пастернак (Снегурочка появляется в стихотворении «Опять весна» из цикла «Переделкино»).

Методология исследования

При решении поставленной проблемы — выявление особенностей интерпретации образа Снегурки в стихотворении Б. Л. Пастернака «Опять весна» в сравнении

с фольклорной традицией и с трактовкой этого образа в пьесе-сказке А. Н. Островского — доминирующими исследовательскими методами становятся имманентный и сопоставительный анализ пастернаковских поэтических текстов, входящих, как и стихотворение «Опять весна», в цикл «Переделкино». Выбор подобной методики обусловлен тем, что художественное мышление Пастернака циклично (Фоменко, 1990, с. 79; Маймескулов, 1994, с. 13). По мнению Пастернака, отдельные стихотворения обретают подлинный смысл лишь внутри некоего художественного единства, поэтому образ пастернаковской Снегурочки в статье будет соотноситься не только с одноименными героинями, созданными другими авторами, но и с ведущими темами и мотивами «переделкинских» стихотворений.

Роль образа Снегурочки в художественном универсуме стихотворения «Опять весна»

Стихотворение Б. Л. Пастернака «Опять весна» входит в цикл «Переделкино», первоначально завершавший книгу «На ранних поездах» (1943). В каноническом варианте этот цикл состоит из 11 стихотворений, большая часть которых написана в 1941 году в Переделкине (Пастернак, 1989, с. 624–625; Пастернак Е. Б., 1989, с. 446–449), где начиная с 1940-го года Пастернак жил не только летом, но и зимой, благодаря чему и возник одноименный стихотворный цикл (Пастернак Е. Б., 1989, с. 545).

Стоит сказать о поэтическом цикле как таковом. Пастернак мыслил не отдельными текстами, а совокупностями текстов (поэтическими циклами и книгами). Рассуждая о собственном творчестве в письмах к родным, друзьям или коллегам, он обычно писал не о конкретных стихотворениях, а о циклах и книгах (Пастернак Е. Б., 1989, с. 285–287, 545). Важнейшая особенность поэтического цикла заключается в том, что тексты, входящие в него, взаимодействуют друг с другом, обогащаясь при этом дополнительными смыслами (Фоменко, 1990, с. 80–81), поэтому стихотворение «Опять весна» и возникающий в нем образ Снегурочки мы рассмотрим в контексте всего «переделкинского» цикла.

«Опять весна» — предпоследнее стихотворение цикла, главная его тема заявлена в названии: приход (точнее, возвращение) весны (Безносов, 2019, с. 40; Казмирчук, 2021, с. 199). Стихотворение начинается с мотива изменения, произошедшего в мире, лирический герой не узнает привычное пространство, пытается понять, что именно случилось: «Вдруг — что за новая, правда, причуда: / Сутолка, кумушек пересуды...» (Пастернак, 1989, с. 37). Изменение мира связано с появлением новых звуков, герой вспоминает, что ранее уже слышал эти звуки: «Где я отрывки этих речей / Слышал уж как-то порой прошлогодней? / Ах, это сызнава, верно, сегодня / Вышел из рощи ночью ручей» (Пастернак, 1989, с. 37). Здесь Пастернак использует ряд мотивов, значимых для цикла «Переделкино»: мотив повторяемости событий, связанных со сменой времен года (ср., например, строки из стихотворения «Ложная тревога»: «...И мелкие поломки / И все как в сентябре» (Пастернак, 1989, с. 25)); важный в фольклорной традиции мотив возможности/невозможности перехода некой границы. В стихотворении «Опять весна» ручей выходит из леса (об этом феномене см.: Жолковский, 2011, с. 86–87); в стихотворении «Летний день» ночь входит в дом и завершает преобразование героя; в «Инее» герой решается войти в лес; в стихотворении «Зазимки» зима, напротив, не решается войти в обжитое человеком пространство; в финале «Вальса

с чертовщиной» сквозняк проникает в форточку, чтобы задуть свечи и закончить праздник (Фарыно, 1989, с. 287).

В пьесе-сказке Островского, как в любом тексте, ориентированном на фольклорную традицию, воспроизводится мотив перехода границы, этот переход принципиально меняет судьбу героини: Снегурочка уходит из терема, выстроенного ее отцом, Морозом, покидает лес (природный топос) и поселяется у людей. Снегурочку на лесной опушке, отделяющей мир природы от мира человека, изобразил Васнецов.

В стихотворении Пастернака мотив ручья, преодолевшего некоторую пространственную границу, сменяется мотивом воды, ломающей (раздвигающей) лед. Лишь после этого лирический герой называет первопричину столь глобальных изменений — наступившую весну: «Это поистине новое чудо. / Это, как прежде, снова весна» (Пастернак, 1989, с. 37). Наступление весны описывается Пастернаком посредством парадоксального, чудесного сочетания новизны и повторяемости (Альфонсов, 2001, с. 254; Пастернак Е. Б., 1989, с. 554). О важности мотива чуда в стихотворении «Опять весна» серьезно размышлял А. К. Жолковский (Жолковский, 2011, с. 73), сама же идея повторяемости неповторимого не раз возникала в «переделкинском» цикле, например в стихотворении «Зазимки», в котором зима осмысливается как нечто знакомое и новое одновременно: «Зима, и все опять впервые...» (Пастернак, 1989, с. 26). Далее весна антропоморфизируется и обретает женский облик: «Это ее телогрейка за ивой, / Плечи, косынка, стан и спина» (Пастернак, 1989, с. 37). Здесь очевиден стилистический контраст между словом «стан» и прозаически-бытовыми номинациями одежды героини (телогрейка, косынка). Подчеркнутый отказ от сказочно-романтической традиции и актуализация бытовой проблематики (Безносков, 2019, с. 43–44) обусловлены стремлением Пастернака упростить язык, сформировать новую поэтическую манеру, ведь Пастернак писал и говорил о цикле «Переделкино» как о начале нового творческого периода (Пастернак, 1992, с. 422–423; Гладков, 2002, с. 135–136), что повышает эстетическую значимость входящих в цикл текстов.

Обретя женский облик, пастернаковская героиня обретает и имя: «Это Снегурка у края обрыва» (Пастернак, 1989, с. 37). Вопреки сложившейся фольклорной и литературной традиции поэт объединяет, сливает два образа — Весны и Снегурочки (об этой особенности пастернаковского мышления см.: Фарыно, 1989, с. 305).

Примечателен и еще один факт: синтаксические конструкции, представляющие собой развернутое определение объекта, ранее обозначенного указательным местоимением «это», часто использовались Пастернаком при описании весны; по предположению Вяч. Вс. Иванова, подобный прием Пастернак заимствовал у А. Фета (Иванов, 2015, с. 456–457).

Итак, в стихотворении Б. Пастернака весна отождествляется со Снегуркой, а мотив обрыва привносит идею опасности, возможности скорой гибели Снегурки. Мотив гибели, поддерживаемый литературной традицией, компенсируется в стихотворении имплицитно присутствующей темой бессмертия: «Это Снегурка у края обрыва. / Это о ней из оврага со дна / Льется без умолку бред торопливый / Полубезумного болтуна» (Пастернак, 1989, с. 37). История о Снегурке в любом случае сохранится, будет рассказана, ведь в художественном универсуме Пастернака природа способна творить, а герой-художник должен лишь подражать ей.

Ради Весны-Снегурки в стихотворении Пастернака вода переживает еще одно преобразование: она уподобляется источнику света (Фарыно, 1989, с. 307; Безносков, 2019, с. 40), примечательно, что в пастернаковском тексте не упоминается солнце,

традиционно враждебное Снегурочке: «Это пред ней, заливая преграды, / Тонет в чаду водяном быстрина, / Лампой висячего водопада / К круче с шипеньем пригвождена» (Пастернак, 1989, с. 37).

Образ звучащей (освободившейся) воды завершает пастернаковское стихотворение: «Это, зубами стуча от простуды, / Льется чрез край ледяная струя / В пруд и из пруда в другую посуду. / Речь половодья — бред бытия» (Пастернак, 1989, с. 37). Последняя строчка свидетельствует о том, что «говорящая» весенняя вода воплощает в себе всю полноту бытия: с радостью и с печалью, с тающей Снегурочкой и с простудой (об этом подробнее см.: Фарыно, 1989, с. 181). Подобная амбивалентность образа весны (образ соединяет в себе и позитивные, и негативные семантические коннотации) чуть позже будет реализована в стихотворении «Март», входящем в «живаговский» цикл, ср.: «Кровельных сосулек худосочье, / Ручейков бессонных болтовня!» (Пастернак, 1990, с. 501), одним из первых этот факт отметил Е. Г. Эткинд (Эткинд, 1979, с. 129–130).

Вероятно, выбор звучащей (говорящей) воды в качестве основного маркера весеннего мира сделан Пастернаком потому, что в заключительном стихотворении цикла («Дрозды») центральным образом становится образ певчей птицы. Певчий дрозд — символ идеального художника (о соотносительности образа птицы с проблематикой творчества см., например: Якушевич, 2019, с. 307); поющим птицам стремится подражать лирический герой Пастернака (Казмирчук, 2021, с. 202), а с образом говорящей воды поющую птицу роднит мотив звуковоспроизведения, некоего «звукотворчества». Заметим: мотив пения важен и в пьесе-сказке Островского: Снегурочка приходит к людям с желанием услышать песни пастуха Леля (см.: Шульц, 2022, с. 134).

Снегурочка — одна из нескольких необычных героинь цикла «Переделкино». Так, в первом стихотворении цикла ночь преобразует лирического героя и передает его земной женщине: «А ночь войдет в мой мезонин / И, высунувшись в сени, / Меня наполнит, как кувшин, / Водой и сиренью. / Она отмоет верхний слой / С похолодевших стенок / И даст какой-нибудь одной / Из здешних уроженок...» (Пастернак, 1989, с. 22). «Преображенный» герой стремится к максимальному сближению с природой (Фарыно, 1989, с. 306–309), не потому ли героинями следующих «переделкинских» стихотворений становятся береза (ср. «Зазимки»): «Пред ним стоит на перекрестке / Который полузанесло, / Береза со звездой в прическе / И смотрится в его стекло» (Пастернак, 1989, с. 26); новогодняя елка (в «Вальсе с чертовщиной» и «Вальсе со слезой»): «Как я люблю ее в первые дни / Только что из лесу или с метели!» (Пастернак, 1989, с. 33), потом — Снегурочка. И береза, и елка, и Снегурочка, будучи воплощением природного начала, одновременно являются знаковыми литературными образами. Береза в «Зазимках» отсылает к есенинской лирике, к знаменитому стихотворению «Зеленая прическа, / Девическая грудь...». Елка заимствуется из сказки Андерсена, но показательно, что Пастернак опускает общеизвестный финал: гибель новогоднего дерева (Казмирчук, 2021, с. 204–205). Нечто похожее происходит и с образом Снегурочки: Пастернак обозначает мотив опасности и возможной гибели, но не развивает его.

Созданный Пастернаком ряд природно-литературных героинь подтверждает правомерность основной идеи «переделкинского» цикла: только подражая природе, человек может стать настоящим художником и обрести бессмертие.

Слово «цикл» в переводе с латинского означает круг; пастернаковский цикл «Переделкино» как нельзя лучше соответствует идее круга, поскольку в основу композиции цикла положен годичный круговорот, стихотворения словно движутся по кругу:

от весны-лета (стихотворение «Летний день») к весне-лету (стихотворение «Дрозды») (Альфонсов, 2001, с. 254; Маймескулов, 1994, с. 13–15, 82–89). В соответствии с годичным круговоротом живет и лирический герой Пастернака: он воспринимает приход зимы как приближение смерти, но верит, что после зимы обязательно наступит весна («Опять весна»); весной просыпается природа, и герой оживет вместе с ней. В этом контексте следует воспринимать и сюжет о Снегурке: Весна-Снегурочка вернется через год; интересно, что в финале пьесы Островского царь берендеев настаивает на том, что людям не стоит печалиться о Снегурочке, ведь все случившееся обусловлено привычным чередованием зимы и лета (см.: Шульц, 2022, с. 131).

Связанная с образом Снегурочки любовная тема, актуализированная Островским, присутствует в пастернаковском стихотворении не так ярко, как в лирике Блока или Ахматовой, но и у Пастернака Снегурочка становится одним из воплощений женского начала, столь значимого в жизни лирического героя и в бытии всего мироздания. Снегурка встраивается в весьма оригинальный ряд антропоморфных природных героинь, которыми любителю лирический герой, с которыми он активно взаимодействует, поскольку все они влияют на его судьбу (ночь преображает героя; береза догадывается о его тайнах; новогодняя елка дарит герою возможность повернуть время вспять; Снегурочка воплощает в себе амбивалентность весеннего универсума).

Заключение

Образ Снегурочки, сопровождающийся многочисленными фольклорными и литературными ассоциациями, в частности с пьесой-сказкой А. Н. Островского, идеально встраивается в систему художественного универсума пастернаковского цикла «Переделькино». Сюжет о Снегурочке иллюстрирует основные идеи поэта: природа способна творить, человек, который хочет стать настоящим художником, должен ей подражать; природа бессмертна, человек, способный соотнести свою жизнь с жизнью природы, тоже бессмертен.

Стремление отождествлять природу (и саму жизнь как таковую) с женским началом вообще характерно для творчества Пастернака и прослеживается в книгах «Поверх барьеров», «Сестра моя — жизнь», «Второе рождение», романе «Доктор Живаго». Подобное восприятие образа женщины восходит к символистскому канону, и в первую очередь к творчеству А. А. Блока. Инвариантом архетипического женского образа, символизирующего различные природные и жизненные стихии (стихию весны, стихию любви), становится для Пастернака и Снегурочка.

Список источников

1. Кулиш, Ж. В. (1963). *Снегурочка А. Н. Островского и народное творчество* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов].
2. Тихомиров, В. В. (2016). «Снегурочка» А. Н. Островского: проблемы оценки и интерпретации (1873–1900). *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*, 6(22), 72–78.
3. Блок, А. А. (1960). *Собр. соч.*: в 8 т. Т. 1. Художественная литература.
4. Магомедова, Д. М. (1997). *Автобиографический миф в творчестве А. Блока*. Мартин.
5. Ronen, O. (1985). A Functional Technique of Myth Transformation in Twentieth — Century Russian Lyrical Poetry. *Myth in Literature* (pp. 110–123). New York University Slavic Papers. Vol. 5. Columbus: Slavica Publishers.

6. Магомедова, Д. М. (2004). *Филологический анализ лирического стихотворения*. Академия.
7. Шульц, С. А. (2022). Н. Горн, А. Н. Островский, А. П. Чехов, А. А. Блок: эволюция образа Снегурочки. *Литературоведческий журнал*, 1(55), 125–139.
8. Ахматова, А. А. (2000). *Собр. соч.*: в 6 т. Т. 4. Эллис Лак.
9. Девятова, Н. М. (2022). Образ мужчины и женщины в зеркале русских сравнений. *Русская речь*, 1, 7–18.
10. Фоменко, И. В. (1990). Циклизация как типологическая черта лирики Б. Л. Пастернака. *Пастернаковские чтения* (с. 78–84). Материалы межвузовской конференции. ПГУ.
11. Безносков, Э. Л. (2019). Стихотворение «Опять весна»: («Поезд ушёл. Насыпь черна...») в творческой биографии Бориса Пастернака. *Литература*, 11/12, 37–42.
12. Казмирчук, О. Ю. (2021). Роль системы заглавий в художественном универсуме цикла Б. Л. Пастернака «Перedelкино». *Новый филологический вестник*, 1(56), 197–206.
13. Маймескулов, А. (1994). *«Перedelкино» Бориса Пастернака (разбор цикла)*. Wyzsza Szkola Pedagogiczna.
14. Пастернак, Б. Л. (1989). *Собр. соч.*: в 5 т. Т. 2. Художественная литература.
15. Пастернак, Е. Б. (1989). *Борис Пастернак: Материалы для биографии*. Советский писатель.
16. Жолковский, А. К. (2011). Зловещие мотивы у Пастернака. *Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты* (с. 65–91). Новое литературное обозрение.
17. Альфонсов, В. Н. (2001). *Поэзия Бориса Пастернака*. САГА.
18. Фарыно, Е. (1989). *Поэтика Пастернака («Путевые записки» — «Охранная грамота»)*. Wiener Slawistischer Almanach.
19. Пастернак, Б. Л. (1992). *Собр. соч.*: в 5 т. Т. 5. Художественная литература.
20. Гладков, А. К. (2002). *Встречи с Пастернаком*. АРТ-ФЛЕКС.
21. Иванов, Вяч. Вс. (2015). Русская поэтическая традиция и футуризм (из опыта раннего Б. Пастернака). *Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи* (с. 442–463). Азбуковник.
22. Пастернак, Б. Л. (1990). *Собр. соч.*: в 5 т. Т. 3. Художественная литература.
23. Эткинд, Е. Г. (1979). Пастернак — новатор поэтической речи. *Борис Пастернак, 1890–1960 — Boris Pasternak, 1890–1960* (с. 128–140).
24. Якушевич, И. В. (2019). Птица: символ, метафора, метаморфоза. *Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке* (с. 306–319). Коллективная монография. Книгодел; МГПУ.
25. Бройтман, С. Н. (2007). *Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя — жизнь»*. Прогресс-Традиция.

References

1. Kulish, Zh. V. (1963). *The Snow Maiden of A. N. Ostrovsky and folk art* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology). Saratov]. (In Russ.).
2. Tikhomirov, V. V. (2016). «The Snow Maiden» by A. N. Ostrovsky: problems of evaluation and interpretation (1873–1900). *Vestnik of Kostroma State University*, 6(22), 72–78. (In Russ.).
3. Blok, A. A. (1960). *Collected works*: in 8 vol. Vol. 1. Fiction. (In Russ.).
4. Magomedova, D. M. (1997). *Autobiographical myth in the works of A. Blok*. Martin. (In Russ.).
5. Ronen, O. (1985). A Functional Technique of Myth Transformation in Twentieth — Century Russian Lyrical Poetry. *Myth in Literature* (pp. 110–123). New York University Slavic Papers. Vol. 5. Columbus: Slavica Publishers. (In English).
6. Magomedova, D. M. (2004). *Philological analysis of a lyrical poem*. Academy. (In Russ.).
7. Schultz, S. A. (2022). N. Gorn, A. N. Ostrovsky, A. P. Chekhov, A. A. Blok: the evolution of the image of the Snow Maiden. *Literary Journal*, 1(55), 125–139. (In Russ.).
8. Akhmatova, A. A. (2000). *Collected works*: in 6 vol. Vol. 4. Ellis Luck. (In Russ.).

9. Devyatova, N. M. (2022). The image of a man and a woman in the mirror of Russian comparisons. *Russian speech*, 1, 7–18. (In Russ.).
10. Fomenko, I. V. (1990). Cyclization as a typological feature of B. L. Pasternak's lyrics. *Pasternak readings* (pp. 78–84). Materials of the interuniversity conference. PSU. (In Russ.).
11. Beznosov, E. L. (2019). The poem «Spring again»: («The train is gone. The embankment is black...») in Boris Pasternak's creative biography. *Literature*, 11/12, 37–42. (In Russ.).
12. Kazmirchuk, O. Yu. (2021). The role of the title system in the artistic universe of B. L. Pasternak's cycle «Peredelkino». *New Philological Bulletin*, 1(56), 197–206. (In Russ.).
13. Maimeskulov, A. (1994). «Peredelkino» by Boris Pasternak (analysis of the cycle). Wyzsza Szkola Pedagogiczna. (In Russ.).
14. Pasternak, B. L. (1989). *Collected works*: in 5 vol. Vol. 2. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
15. Pasternak, E. B. (1998). *Boris Pasternak: Materials for a biography*. Sovetskij pisatel'. (In Russ.).
16. Zholkovsky, A. K. (2011). Ominous motives in Pasternak. *Pasternak's poetics: Invariants, structures, intertexts* (pp. 65–91). New Literary Review. (In Russ.).
17. Alfonsov, V. N. (2001). *The poetry of Boris Pasternak*. THE SAGA. (In Russ.).
18. Faryno, E. (1989). *The poetics of Pasternak («Travel notes» — «Certificate of Protection»)*. Wiener Slawistischer Almanach. (In Russ.).
19. Pasternak, B. L. (1992). *Collected works*: in 5 vol. Vol. 5. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
20. Gladkov, A. K. (2002). *Meetings with Pasternak*. ART FLEX. (In Russ.).
21. Ivanov, V. V. (2015). Russian Poetic tradition and Futurism (from the experience of early B. Pasternak). *Parsnips. Memories. Research. Articles*. Azbukovnik. (In Russ.).
22. Pasternak, B. L. (1990). *Collected works*: in 5 vol. Vol. 3. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
23. Etkind, E. G. (1979). Pasternak is an innovator of poetic speech. *Борис Пастернак, 1890–1960 — Boris Pasternak, 1890–1960* (pp. 128–140).
24. Yakushevich, I. V. (2019). Bird: symbol, metaphor, metamorphosis. *Bird as an image, symbol, concept in literature, culture and language* (pp. 306–319). A collective monograph. Knigodel; MCU. (In Russ.).
25. Yesenin, S. A. (1970). *Collected works in three volumes*. Vol. 1. Pravda. (In Russ.).
26. Broitman, S. N. (2007). *The poetics of Boris Pasternak's book «My Sister is Life»*. Progress-Tradiciya. (In Russ.).

Информация об авторе

Ольга Юрьевна Казмирчук — кандидат филологических наук, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Olga Yu. Kazmirchuk — PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Filology, Institute of the Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.